

© Е. И. Баранчеева

DOI: [10.15293/2226-3365.1404.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1404.11)

УДК 811.161.1'1(075.8)

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ПАМЯТИ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ РАМКИ И ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Е. И. Баранчеева (Новосибирск, Россия)

В статье рассматриваются наивные языковые представления о памяти как невидимом органе человека, а также языковые средства репрезентации процессов, происходящих в нашей памяти (процессов памяти). Целью статьи является исследование языковых образов памяти. Автора статьи интересуют представления о процессах памяти, воплощённых в языковых структурах: процессах закрепления, сохранения и воспроизведения образов восприятия. Исследование свидетельствует о том, что память имеет различные образные представления в дискурсе: собранные контексты отображают особую структуру и внутреннее строение этого невидимого органа. Далее в тексте статьи рассматриваются типы метафорических представлений памяти (память как водное пространство, память как экран и т.д.). Метафорическое представление памяти в языке представлено множеством моделей, которые взаимодействуют друг с другом, расширяются, охватывают несколько лексико-семантических вариантов. Метафорическое представление памяти может моделировать языковую экспликацию всей мнемической ситуации, определять то, как отображен в языке сложный процесс восприятия, обработки, хранения и воспроизведения информации.

Ключевые слова: лексическая система русского языка, языковая концептуализация, процессы памяти.

Проблемы исследования процессов памяти, а также процессов восприятия, переработки и хранения воспринятых образов интересуют исследователей различных научных областей: психологии, нейропсихологии, психолингвистики, прикладной лингвистики, педагогики и т.д. Изучение «языка памяти» занимало и многих современных лингвистов – (см. ра-

боты [7–8; 12; 17; 20–21]). Многие работы по изучению памяти носят интердисциплинарный характер [5; 10; 21]. Данная статья является продолжением работы [4] и направлена, прежде всего, на исследование языковых образов памяти. Нас будут интересовать представления о процессах памяти, воплощённых в языковых структурах: процессах закрепления,

Баранчеева Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Новосибирский государственный технический университет; доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: barancheeva_ek@yahoo.com

сохранения и воспроизведения образцов восприятия. Вспомним слова Л. С. Рубинштейна о том, что «образцы восприятия подвергаются ментальной обработке – они закрепляются, сохраняются и воспроизводятся» [16, с. 208] и слова Д. Нормана о том, что «помнить – это значит успешно справиться с тремя задачами: усвоением, сохранением и повторным извлечением информации... Не помнить – это значит не справиться с какой-то одной из этих задач» [14, с. 187].

Психологи и лингвисты сходятся в том, что сам процесс восприятия действительности протекает с участием памяти [8; 12; 18]. В психологии память играет важную роль в разграничении понятий *перцепция* и *апперцепция* («зависимость восприятия от прошлого опыта, запаса знаний и общего содержания психологической деятельности») [15, с. 162]. Внутренний мир человека, его психическая жизнь основана на воспринятых образах, чувственных впечатлениях – т.е. на том, что хранится в памяти. см.: *Тоня долго бессмысленно глядявалась в лицо Кати, не узнавая ее и не понимая, что случилось. В голове стоял шум – грохот якорных цепей, плеск воды, вой прощальной сирены. И вдруг ужасная правда дошла до ее сознания. Тоня вспомнила все и закрыла глаза, ей не хотелось жить...* (В. К. Кетлинская). Память по данным языка является основным «хранилищем» воспоминаний о событиях и различных образах: *В памяти всплыл пренебрежительный, усталый жест* (А. Бек), *Грозным напоминанием вставал в памяти этот случай* (М. Шолохов), *И кислый запах козьей шкуры всплыл в памяти...* (Н. Садур).

Лексема *память* входит в класс слов, обозначающих невидимые органы человека, которые «аналогичны обычным, материальным «вещам» внутри человеческого тела» (НОСС) [13, с. 302]. *Память* и некоторые

другие невидимые органы (*ум, совесть*) обозначают не только невидимый орган, но и соответствующую способность человека, и толкование значений всех таких существительных строится по общей схеме «способность человека... или невидимый орган, с помощью которого...» (НОСС) [13, с. 302]. Лексическая единица *память* толковалась в других лексикографических источниках: так в [3] *память* это «специальное устройство внутри организма X-а, воплощающее способность X-а запоминать, помнить и вспоминать Z» (например, *память Пети на лица*). Е.В. Урысон определяет память как «воображаемое устройство, представляемый орган, вместилище», которое «может функционировать независимо от воли субъекта» [Урысон, 2003, с. 38]. Малый академический словарь русского языка приводит сходное толкование лексемы *память* (1) – «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления» (МАС) наряду с двумя другими ЛСВ (*память* (2) «воспоминание о ком-, чем-л.» и *память* (3) «способность осмысленно воспринимать окружающее, отдавать отчет в своих поступках, чувствах; сознание»). В данной работе будут рассматриваться преимущественно контексты, в которых реализуется значения «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления» и «невидимый орган» (по Ю. Д. Апресяну, Е. В. Урысон и др.). См. следующие примеры: *Только не осталось в памяти, пронеслось мимо, провалилось, потому что ничем не мог жить, никого не видел, кроме Лены* (Ю. Трифонов); *Удивительно устроена человеческая память. Ведь вот, кажется, и недавно все это было, а между тем восстановить события стройно и последовательно нет никакой возможности. Выпали звенья из цепи! Кой-что вспоминаешь, прямо так и загорится перед глазами, а прочее раскро-*

шилось, рассыпалось, и только одна труха и какой-то дождик в памяти... (М. А. Булгаков). Отметим, однако, что дискурсивный анализ лексемы *память* не всегда обнаруживает реализацию значений, описанных в лексикографических работах (в [3] и [13]).

Нам представляется, что анализ контекстов (отобранных из НКРЯ), описывающих фиксацию, хранение, воспроизведение образов в памяти, позволит **уточнить представление** о памяти как о «вместилище», «хранилище» образов различного рода. Анализируя представление о памяти и о механизмах памяти, целесообразно рассмотреть языковое воплощение «мнемической ситуации» [10] – т. е. внеязыковой ситуации, в центре которой находятся мнемические процессы, субъект и информационный актант (т.е. та информация, которая утрачивается или восстанавливается). Рассмотрим метафорические представления о памяти, представление о ее структуре, а также о том, как мы извлекаем воспринятые образы из памяти.

Память имеет различные образные представления в дискурсе – собранные нами контексты отображают особую структуру и внутреннее строение этого невидимого органа. Рассмотрим типы таких представлений.

1. Память может представляться как вместилище (сосуд) с жидкостью или какая-то жидкость, водное пространство, имеющее значительную глубину или дно. Частотны такие примеры сочетаемости данной лексемы, как *всплыть в памяти, выплыть из памяти, выудить, выловить из памяти, вымыть из памяти, тонуть и всплывать в памяти, взбалтывать память, улечься на дно памяти, пойти на дно памяти, вытащить, выдавить, вытолкнуть из глубин памяти, выйти из глубин памяти, нырять в воды памяти*. Например, *А тут выплыл из памяти, как живой, и даже как будто заговорил: «Теперь*

расскажите про ваш необычный случай» (В. Войнович); *И вот в нашей лживой памяти ужасное тонет... – Да я не говорю... – ...а приятное всплывает.* (А. Солженицын); *Сделав голос бархатистым, он стал ... взбалтывать память ее, говорил о погоде, о наводнении, которое обещается осенью...* (А. Азольский); *Фамилию «молодогвардейца» вымыло из памяти* (П. Сиркес).

При невозможности вспомнить или же обратиться к желаемой информации автор зачастую прибегает к словосочетанию *глубины памяти*, откуда можно вытащить, выудить, выдавить информацию или откуда образы всплывают сами: например, *...Все же почти через шестьдесят лет из неведомых и вечных глубин памяти передо мною встали эти буквы, эти слова, я вспомнил их и прочитал: «Веникойси, домом лойникойси»* (А. Рыбаков). *...Но тут из самых тайных глубин памяти вышел профессор Бусько со своими стеклянными пузырьками...* (В. Дудинцев)... *Сорин задумался и неимоверным усилием вытащил из глубин памяти отчество: – Сергеевича, Виталия Сергеевича.* (П. Галицкий)

Представление о памяти как о водном пространстве, на дне которого хранятся воспоминания, взятая на вооружение автором водная метафора памяти может стать основой построения целого текстового фрагмента, описывающего процесс вспоминания, извлечения из памяти образов прошлого (см. рассказчик в тексте Д. Рубиной представлен как искатель черного жемчуга, ловец, а воспоминания – как улов, который хватают, не выбирая и не сортируя): *...только мне одной дано извлечь из глубины несколько эпизодов миновавшей жизни, несколько лиц, несколько сцен, предметов... Увы, мои силы не беспредельны. Я ныряю и ныряю, с каждым разом погружаясь все глубже... Все холоднее и*

опаснее воды моей памяти, – однако снова и снова я стараюсь достичь самого дна – искатель черного жемчуга... Там, в глубине, над моей головой борются течения, относят меня в сторону потоки... и видимость становится все хуже и хуже... Зажмурив глаза, я хватаю все, что под руку подвернется, не выбирая и не сортируя улов, а просто ныряя и ныряя из последних сил, все тяжелее всплывая на поверхность с очередным обломком мимолетной сладостной Атлантиды: еще лицо, еще сценка <...> – о драгоценность смехотворно малого улова! (Д. Рубина).

ЛСВ память со значением «воспоминание о чем-либо, ком-либо» также может употребляться в контексте, реализующем «водную» метафору. Так, с общей водной моделью связаны несколько ЛСВ одного полисеманта: можно не только *выловить, выудить, вытащить из памяти* или *утопить в памяти* воспоминание, образ (см. *Так, может, правильнее утопить в памяти все увиденное, чтобы не исказить его?* (В. Писигин)), но можно *утопить* и само воспоминание (память о чем-то): см. *Как утопить память о том, что жена сунула мужу в руку узелок, где было обручальное кольцо, несколько кусков сахара, сухарь?* (В. Гроссман).

2. Ряд контекстов реализует представление о памяти как о тесном, узком (и даже вязком) пространстве или о таком пространстве, которое может сопоставляться с разными топосами (*сундуки, мешки памяти, коробка, чердак, кладовые памяти, пределы памяти, пещера памяти*) и иметь хаотичную организацию (*уголки, закоулки, зады, запасники, недра памяти, завалы памяти*): *засесть, застрять в памяти, откопать, копать, храниться, оставаться, закрепить(ся) в памяти, затесаться в закоулки памяти, втиснуть в память, вынимать, извлекать из памяти,*

загромождать память, разбирать завалы памяти, раскрыть кладовые памяти. Например, ...*Самурай и поэт Сунтаро, написавший эти любимые Бруно строки, вынимал слова из горьких запасников памяти* (В. Скворцов); *Его еще можно, наверное, извлечь из-под завалов памяти, из-под пластов ненависти к себе, – но, очнувшись, этот бледный покойник только захлопает полупрозрачными веками: где я?* (Д. Быков); *Где, на каких перепутьях подкрадутся к нему старческие немощи? Что накоплено в сундуках памяти?* (Р. Штильмарк); *Впрочем, что толку доставать из мешочка все эти осколки памяти и перебирать их то так, то этак* (М. Шишкин); ...*Сложить в коробку своей памяти, чтобы рано или поздно найти ту самую единственную недостающую деталь...* (Т. Соломатина).

3. Если представление о невозможности вспомнить что-либо связано с хаотичным, сложно организованным пространством (см. предыдущая модель), то возможность или способность обратиться к образам, воспоминаниям маркировано лексемами с компонентом «свет»: *высвечиваться, вспыхнуть в памяти, угаснуть в памяти, померкнуть, воскресить в памяти, озарить углы (закоулки) памяти, нашаривать в памяти, память потухает, высечь искру в памяти (из памяти), мелькнуть в памяти яркой вспышкой.* Возможны и такие окказиональные авторские именные словосочетания, как *искра памяти, воспоминания как яркое перо павлина* (у В. Аксенова). Например, ... *Город ... преподносит сюрпризы, озаряя те углы памяти, в которые не заглядывает сегодняшний день* (К. Сурикова); *Печальное это воспоминание заняло у нас не менее трех страниц, а между тем оно промелькнуло в памяти Стенли, как вспыхнувшее, проплывшее и тут же погасшее перо павлина* (В. Аксе-

нов); *Но при вопросе Поскрёбышева вдруг высеклась из его прорончивой памяти внезапная искра, и он спросил, о чем давно хотел и забывал* (А. Солженицын). Неспособность вспомнить что-либо может передаваться и лексемами, обозначающими темное, неосвещенное, или глубокое и поэтому неосвещенное (и непонятное) пространство. См. примеры: *Таинственный лес человеческой памяти...* (Д. Рубина)... *И в этот же миг из ледяных пещер памяти, совсем живой, снова появился Брунsvик* (В. П. Катаев).

4. Многие глаголы свидетельствуют и о представлении памяти как «внутреннего экрана», поверхности, на которой записываются образы: *отпечатываться, запечатлеваться, оставить след в памяти, изглаживать(ся), стирать(ся), выскоблить из памяти, прокрутить в памяти*. Например: *День четко отпечатался в памяти: яркий, осенний, северный. Красные ягоды на наших рябинах...* (Н. Амосов). Экранная модель представления о памяти поддерживается существующей в русском языке метафорой текста, речи как ткани, полотна или нити. Память также может быть представлена как полотно, ткань, нити, запутавшиеся в узлы. В следующих примерах мы имеем дело с таким ЛСВ слова *память*, как «воспоминание о ком-либо, чем-либо»: *Нитка его памяти путалась в них и теперь ...Лучше опять разматывать нитку памяти о детстве – пусть рваную, всю в узелках* (И. Грекова); *...Он даже не рассуждал, а наворачивал внутри себя пелену из ткани памяти и воображения...* (А. Илличевский); *Как спутались нити моей памяти, завязались в узлы, переплелись?* (Г. Садулаев).

5. К метафоре экрана близка метафора памяти как пленки, которую можно прокрутить – это «кинематографическая» модель памяти. Появление новых способов воспро-

изведения образов и, соответственно, новых слов повлияло и на метафорические модели представления памяти: *На обратном пути в самолете Александр, закрыв глаза, пытался прокрутить в памяти лоскутные одеяла тосканских долин, голубые холмы, города на холмах, терракоту их крыши и серые камни стен* (В. Аксенов). Тяготеет к экранной и кинематографической моделям памяти представление о памяти как о сцене, где разыгрывается спектакль воспоминаний: например, *... Персонажи моего детства толпятся за кулисами памяти, требуя выхода на сцену* (Д. Рубина).

6. Немногочисленны, но весьма показательны примеры, в которых представлена т.н. «компьютерная» метафора памяти, родившаяся из терминологических словосочетаний: *память компьютера, оперативная память, ячейки памяти*. Возникают примеры, в которых память человека уподобляется памяти машины: *Я инженер по радиотехнике и должен этим заниматься, а не забивать ячейки памяти в голове разной хреновиной и не рассуждать о каких-то вишневых садах, понял?* (М. Ходаренок) ... *Леонтьев жаловался на боли в верхней части затылка, а именно там ... гнездятся наиболее древние связи – ячейки памяти* (И. А. Ефремов).

7. Множество контекстов свидетельствует о богатых возможностях языкового представления процессов памяти в индивидуальном авторском дискурсе. Некоторые из индивидуально-авторских, окказиональных метафор разрабатывают модели памяти, обратные тем, что закреплены в языковой системе и явлены во множестве примеров. Так, водная метафора полноты и безграничности воспоминаний (памяти) имеет и свой антипод: в следующем примере описывается ситуация, в которой героиня не может многое вспомнить (ресурсы памяти ограничены или

блокированы), память здесь – это сухая губка, из которой ничего не выжать. См.: ...*Инкины руки подрагивали, когда она старалась выжать из сухой губки памяти, говорил ли что-нибудь Уаскаро по этому поводу, но припомнила лишь каплю в море* (У. Нова).

Модель представления памяти как неупорядоченного, узкого, темного вместилища или пространства, в котором неорганизованно хранятся воспоминания, содержит и потенциальную возможность реализации модели памяти как пространства организованного. Такие примеры немногочисленны, но они существуют: *Пришлось перебирать все полки памяти, чтобы вспомнить, чем бывает занят человек в момент драматического бездействия* (К. С. Станиславский); *Ведливый интервьюер достает воспоминания с самых дальних полок памяти артиста* (С. Юрский); *...я держал скомканный до неузнаваемости перронный билет, а в голове назойливо звенел, Бог весть почему выплывший из музыкального ящика памяти, другого века романс...* (В. Набоков).

Процессы памяти и возникновение нового ментального состояния может быть вызвано волей субъекта или каким-либо внешним стимулом (перцептивным образом), какими-либо необъяснимыми обстоятельствами (самопроизвольно, бесконтрольно) [4, с. 83], однако новая мнемическая ситуация (забывание образов) может быть вызвана и определенным физиологическим состоянием: субъект хочет спать, стар, болен. Например, ... *Дремота смешала в памяти Крылова севастопольские и одесские бои, крик штурмующей румынской пехоты, мощные камнем, поросшие плющом одесские дворы и матросскую красоту Севастополя* (В. Гроссман). Мнемическая ситуация, описывающая невозможность вспомнить нужную информацию, узнать, оценивается часто как нежелательная.

Необходимость вспоминать может представляться как болезненная, мучительная, негативная для субъекта. Например, ...*У некоторых тоже были знакомые лица, но она так давно уже привыкла гнать от себя это мучительное ощущение давно знакомого и ускользающего, так бесплодны были усилия вспомнить, выкопать корешок воспоминания, связать его с тканью существования, что она по привычке отмахнулась* (Л. Улицкая). Показательны также частотные атрибутивные характеристики памяти, которые отражают ограниченные функциональные способности: *старческая память, девичья, ущербная память, куцая память, (не) резиновая память, стертая память, безалаберная память, моя дырявая память*.

Способность вспоминать, хранить в памяти воспринятые образы также может оцениваться отрицательно: через приписывание определенных признаков памяти может характеризоваться субъект мнемической ситуации (например, *В бедной Наташкиной памяти остались наши дни рождения* (Ю. Трифонов); *...путается в измученной памяти вечный его кошмар* (Д. Рубина); *Жадная память сестер вбирала в себя все так быстро...* (Д. Рубина)). Способность вспоминать может быть представлена как нежелательная для субъекта (*жестокая память, беспощадная память*), на память может перекладываться ответственность за то или иное состояние субъекта или восприятие им действительности: *...И тут, на этом вечере ему впоследствии всегда хотелось опустить занавес ... Но его беспощадная память хранила все в незыблемом порядке, как краски и инструменты в его мастерской, и при случае снимала с неожиданных, к слову или к мысли подвернувшихся полочек то одну, то другую картину того страшного дня* (Д. Рубина); *Оказывается, у меня жестокая*

память – она не хранит ничего умильного или утешительного, зато цепко удерживает мельчайшие детали смешного и разоблачительного (Н. Воронель). Возможны уникальные примеры изменения статуса участников мнемической ситуации: так, в следующем примере с глаголами *припоминать* и *подсказывать* память становится в позицию грамматического субъекта, а вся ситуация воспринимается как крайне негативная. См.: ...и припоминала ей беспощадная память все оскорбления, на которые был так щедр ее любимчик; подсказывала она ей, как он однажды, пьяный, ворвался к ней в комнату и, ставши перед ней с кулаками, заревел... (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Материал высказываний, в которых представлено языковое воплощение ситуации воспоминания, позволяет нам сделать следующие предварительные выводы. Языковая экспликация наивного представления о «хра-

нилище, внутреннем пространстве воспоминаний, внутреннем устройстве, контейнере» предлагает несколько вариантов хранения воспринятых образов. Представления об устройстве, контейнере, отраженные в лексикографической практике, не всегда отражают реальную дискурсивную практику и, на наш взгляд, могут быть расширены и уточнены. Метафорическое представление памяти в языке представлено множеством моделей, которые взаимодействуют друг с другом, расширяются, охватывают не только *память* (1) как «способность» и/или *память* (2) «невидимый орган», но также *память* (3) «воспоминание о ком-либо, чем-либо». Метафорическое представление памяти может моделировать языковую экспликацию всей мнемической ситуации, определять то, как отображен в языке сложный процесс восприятия, обработки, хранения и воспроизведения информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Апресян Ю. Д.** Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. – Москва: Гнозис, 1995. – Т. 2. – С. 8–101.
2. **Апресян Ю. Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. – Москва: Гнозис, 1995. – Т. 2. – С. 390–440.
3. **Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А.** Память // Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. – Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1984. – С. 432–434.
4. **Баранчеева Е. И.** «Запечатленные образы» и их языковое воплощение: память как невидимый орган // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – С. 80–87.
5. **Брагина Н. Г.** Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 514 с.
6. **Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.** Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки славянских культур, 1997. – 576 с.
7. **Вежицкая А.** Язык, культура, познание. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.
8. **Дмитровская М. А.** Философия памяти // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 80–87.
9. **Залевская А. А.** Некоторые вопросы отображения реальности у пользователя языком // Реальность, язык и сознание. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. – С. 4–14.

10. **Исхакова Р. Ф., Хомякова Е. Г.** Память и восприятие: некоторые аспекты языковой репрезентации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2009. – Вып. 1, Ч. I. – С. 84–89.
11. **Исхакова Р. Ф.** Роль памяти в формировании языковой картины мира (на материале английского языка) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2009. – Вып. 3. – С. 196–201.
12. **Кубрякова Е. С.** Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
13. **Новый** объяснительный словарь синонимов русского языка (НОСС) / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 1487 с.
14. **Норман Д.** Память // Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: Эксмо-пресс, 2002. – С. 76–89.
15. **Прикладные** аспекты современной психологии: термины, законы, концепции, методы / под ред. Н. И. Конюхова. – М.: Норма, 1992. – 276 с.
16. **Рубинштейн С. Л.** Память // Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер. – М. Эксмо-пресс, 2002. – С. 176–200.
17. **Слобин Д., Грин Дж.** Психолингвистика / под ред. А. А. Леонтьева – М.: Прогресс, 1976. – 336 с.
18. **Солсо Р. Л.** Когнитивная психология. – М.: Тривола, 1996. – 598 с.
19. **Телия В. Н.** О специфике отображения мира, психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. – М.: Наука, 1987. – С. 65–75.
20. **Урысон Е. В.** Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. – М.: Языки славянских культур, 2003. – 224 с.
21. **Хаттон П. Х.** История как искусство памяти. – СПб.: изд-во Владимир Даль, 2003. – 424 с.
22. **Яковлева Е. С.** Фрагменты русской языковой картины мира. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1404.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1404.11)

Barancheeva Ekaterina Igorevna, Candidate of Philology Sciences,
Associate Professor of Russian Language Department, Novosibirsk
State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: barancheeva_ek@yahoo.com

VERBALIZATION FEATURES OF MEMORY PROCESSES: LEXICOGRAPHICAL LIMITS AND DISCOURSE REPRESENTATION

Abstract

The article investigates the naive language ideas about the memory as an inner organ inside of human body and the language means of memory processes representation. The main aim of the current article is to explore the images of memory imbedded in language structures. The author is interested in the concepts of memory processes shown in language units: the processes of memorizing, reserving and reproducing the perceived samples. The research gives evidence that memory has different image forms in discourse: the collected data show the specific structure and inner building of this invisible organ. Then the article lists the types of metaphorical representation of memory (memory as of water space, memory as of screen etc). Metaphorical concepts of memory in Russian are reproduced in a variety of models which interact, continually expand their number and include several lexeme meanings. Metaphorical representation of memory can model the language explication of all memorization process and define the language reflection of complicated processes inside our memory: processing, keeping and reproducing of information.

Keywords

lexical system of Russian language, language conceptualization, memory processes

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Deixis in lexics and grammar, and the naive model of the word. Apresyan Yu. D. *Selected works*: in 2 vol. Moscow: Gnosis Publ., 1995. Vol. 2, pp. 8–101. (In Russian)
2. Apresyan Yu. D. Human image according to the language data: an effort of system description. Apresyan Yu. D. *Selected works*: in 2 vol. Moscow: Gnosis Publ., 1995. Vol. 2, pp. 390–440. (In Russian)
3. Apresjan Yu. D., Zholkovsky A. K., Mel'cuk I. A. Memory. Apresjan Yu. D., Zholkovsky A. K., Mel'cuk I. A. *Explanatory-Combinatory Dictionary of Modern Russian*. Wien: Wiener Slavistischer Almanach Publ., 1984, pp. 432–434. (In Russian)
4. Barancheeva E. I. “Reflected images” and their language explication: memory as an inner organ. *Problems of interpretative linguistics: perception types and their language explication: collection of academic articles*. Novosibirsk: NSPU Publ., 2013. pp. 80–87. (In Russian)
5. Bragina N. G. *Memory in language and culture*. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2007. 514 p. (In Russian)
6. Bulygina T. V., Shmelyov A. D. *Language conceptualization of the world*. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 1997. 576 p. (In Russian)
7. Wierzbicka A. *Language, culture, cognition*. Moscow: Russkiye slovari Publ., 1996. 412 p. (In Russian)

8. Dmitrovskaya M. A. Philosophy of memory. *Logical analysis of language: Cultural concepts*. Moscow: Nauka Publ., 1991. pp. 80–87. (In Russian)
9. Zalevskaya A. A. Some issues of reality reflection by the language users. *Reality, language and consciousness*. Tambov: TGU Publ., 1999. pp. 4–14. (In Russian)
10. Iskhakova R. F., Khomyakova E. G. Memory and perception: some aspects of language representation. *Vestnik of St-Petersburg University. Series 9*. 2009. Vol. 1. Part I. pp. 84–89. (In Russian)
11. Iskhakova R. F. The role of memory in building of language picture of the world. *Vestnik of St-Petersburg University. Series 9*, 2009, Vol. 3, pp. 196–201. (In Russian)
12. Kubryakova E. S. *Language and knowledge*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 556 p. (In Russian)
13. *New explanatory dictionary of Russian synonyms*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. 1487 p. (In Russian)
14. Norman D. Memory. *The psychology of memory*. (ed.) Yu. B. Gippenreiter. Moscow: Eksmo-press Publ., 2002. pp. 76–89. (In Russian)
15. *Applied aspects of modern psychology*. Moscow: Norma, 1992. 276 p. (In Russian)
16. Rubinstein S. L. Memory. *The psychology of memory*. (ed.) Yu. B. Gippenreiter. Moscow: Eksmo-press Publ., 2002. pp. 176–200. (In Russian)
17. Slobin D., Green J. *Psycholinguistics* (ed.) A. A. Leontiev. Moscow: Progress Publ., 1992. 336 p. (In Russian)
18. Solso R. L. *Cognitive psychology*. Moscow: Trivola Publ., 1996. 598 p. (In Russian)
19. Teliya V. N. About the specifics of the language reflection of the world, psychics and knowledge. *Essence, development and the functions of language*. Moscow: Nauka Publ., 1987. pp. 65–75. (In Russian)
20. Uryson E. V. *Research problems of the language picture of the world. Analogies in semantics*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. 224 p. (In Russian)
21. Hatton P. H. *History as a form of memory*. St' Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2003. 424 p. (In Russian)
22. Yakovleva E. S. *Fragments of the Russian language picture of the world*. Moscow: Gnosis Publ., 1994. 344 p. (In Russian)